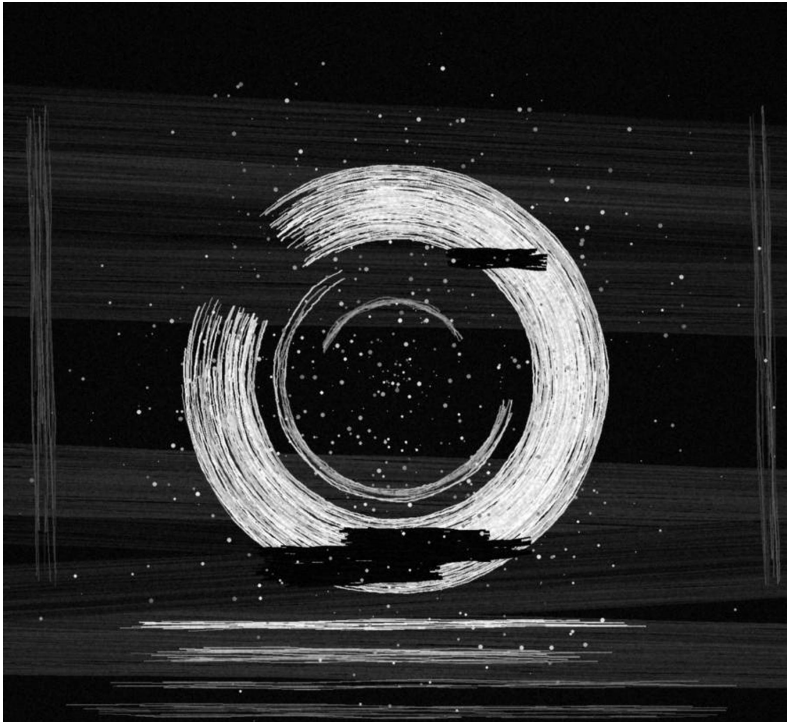

ОСКОЛКИ ЗАБВЕНИЯ

роман

D X R K

dxrk dxrk
Осколки забвения

https://litres.ru/74829399
SelfPub; 2026

Аннотация

Каждое заклинание в Лунгрейве стоит памяти. Маги расплачиваются днями, лицами, голосами, и никто не знает, что именно потеряет в следующий раз.Илва Ренн приезжает в академию без осколка, единственная из всех. После смерти отца у неё остались двенадцать перьев, пара перчаток, которые нельзя снимать, и дар, о котором лучше молчать: она видит память того, к чему прикасается.

Кассиан Вейр наследник древнего дома. Он носит в кармане блокнот с правилами, написанными его же рукой, и не помнит, почему их писал. Рядом с Илвой его осколок перестаёт болеть, и это пугает его больше боли.

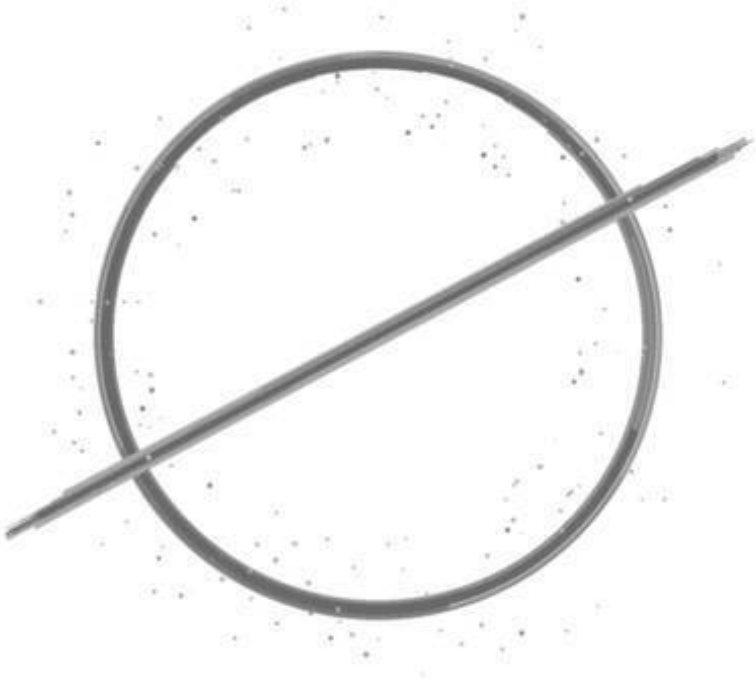
который съезжаются пятеро Совета с кольцами на мизинцах. Кто-то оставляет белые перья у порога. Кто-то давно решил, кем им быть друг для друга.

Осколки забвения это тёмное фэнтези с академией, медленным чувством и тайной, которая собирается из чужих воспоминаний. Любовная линия без быстрых развязок, интриги Совета, и ответ на вопрос, что останется от человека, если забрать у него всё, кроме того, что он чувствует.

Содержание

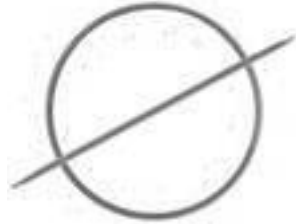
Глава 1. Лишняя в списке 6
Глава 2. Правила для себя 14
Глава 3. Лунный серп 22
Глава 4. Контрольная проба 30
Глава 5. Пустой камень 41
Глава 6. Пять мест за круглым столом 52
Глава 7. Чужой плащ 63
Глава 8. Нижний архив 75
Глава 9. Что помнят руки 86
Конец ознакомительного фрагмента. 89

dxrk
Осколки забвения

Платить придётся тем, что помнишь.

— Устав Лунгрейва

Глава 1. Лишняя в списке

ДОЖДЬ ШЁЛ с самого Морского тракта, и к тому времени, как повозка добралась до подножия скалы, Илва промокла до нитки.

Лунгрейв стоял на самом краю обрыва. Тёмный, острый, он торчал над морем, словно кто-то вонзил в небо обломок чёрного стекла. Внизу бились волны, а в узких окнах верхних башен горел холодный голубоватый свет. Свет осколков, поняла Илва. Говорили, что в Лунгрейве его видно за час пути, и она впервые поверила этим рассказам.

— Дальше сама, девочка, — сказал возница, не оборачиваясь. — Выше я не поеду. Лошади не любят это место.

— А вы?

— И я не люблю.

Она спрыгнула на мокрые камни, подхватила сундучок и сумку с отцовскими перьями и постояла секунду, глядя, как повозка разворачивается и уходит вниз по дороге. Потом поправила перчатки. Серые, штопаные, на тонкой коже, они были единственной вещью, которую она не снимала никогда. Ни во сне, ни за едой, ни у отца на похоронах.

Дорога вверх занимала сотню ступеней. Илва считала их, потому что счёт успокаивал, а успокаиваться ей было нужно. Письмо с печатью Аэрвелла лежало за пазухой и жгло кожу сквозь ткань, хотя она не касалась его уже полдня. Пись-

мо пришло три недели назад. «Илва Ренн, дочь переписчика Тамаса Ренна, принята в Академию Лунгрейв на первый курс». Ни слова о том, за какие заслуги. Ни слова о том, что принимают девушку без осколка.

Это была ошибка. Она знала это точно, как знала цвет собственных глаз. Но отец умер весной, лавка ушла за долги, и ошибка с королевской печатью оказалась единственной дверью, которая перед ней открылась.

У ворот стоял привратник, тощий и хмурый, с мокрой книгой в руках. Он вскинул фонарь и посмотрел на её лицо, потом на сундучок, потом снова на лицо.

— Имя.

— Илва Ренн.

Он провёл пальцем по списку, и палец остановился.

— Ренн, Ренн, — пробормотал он. — Вот. Дописано другими чернилами. — Он поднял на неё глаза. — Здесь пометка. «Без осколка».

За его спиной в темноте кто-то тихо засмеялся.

— Я знаю, — сказала Илва ровно. — Это в письме. Письмо при мне.

— Письмо я видел. Печать настоящая. — Привратник поморщился, словно у него болел зуб. — Проходи. Госпожа Орвин разберётся, что с тобой делать.

Створка ворот скрипнула. Илва шагнула вперёд и, поскользнувшись на мокром камне, ухватилась за железную решётку.

Ошибка. Простая, глупая, такая обычная ошибка.

Ворота были старые, холодные, и в тот миг, когда ладонь легла на металл, пальцы пронзило не то холодом, не то голосом. Она успела подумать только: «Перчатка». Но перчатка на левой руке была рваной на указательном пальце, и этого хватило.

Мир ушёл в сторону.

Сотни лиц. Сотни шагов по этим ступеням. Девочка с косами плачет, потому что боится высоты. Мальчик в дорогом плаще смеётся слишком громко, чтобы скрыть страх. Кто-то проходит под аркой, и у него в груди горит осколок, а в глазах уже пусто, будто за ним давно никто не стоит. Тысячи входящих, тысячи забывших, и железо помнило всех сразу, и всё это обрушилось на неё, как волна.

Илва отдёрнула руку и прижала её к груди. Сердце колотилось. Привратник уже отвернулся и ничего не заметил.

«Осторожнее, — сказала она себе. — Осторожнее, дура. Ты здесь в первую же минуту сойдёшь с ума, если будешь так хвататься за всё подряд».

Двор Лунгрейва был вымощен чёрным камнем, и дождь превращал его в зеркало. По краям стояли студенты. Они не прятались от ливня, а просто стояли, и дождь стекал по их плащам, не задерживаясь, будто между ними и стихией был воздух гуще воды. У каждого из-под воротника пробивалось слабое свечение. Голубое у одних, зеленоватое у других, у двоих почти белое.

Они смотрели на неё. Не враждебно. Хуже: с любопытством. Так смотрят на птицу, залетевшую в зал.

— Без осколка, — прошелестело справа.

— Как её вообще…

— Тише. Смотри, какие у неё перчатки.

Илва подняла подбородок и пошла через двор, не глядя ни на кого. Сундучок бил по ноге. Вода затекала за воротник. Где-то наверху хлопнула ставня.

У главных дверей она оступилась на ступени, широкой, скользкой и совершенно незаметной в темноте. Сундучок вылетел из руки, и Илва уже падала назад, зная, что сейчас ударится затылком о камень, когда чья-то рука перехватила её за запястье.

Рывок был резкий и сильный. Её дёрнули вверх и вперёд, она врезалась плечом в чью-то грудь, и мир сузился до тёплого сукна, запаха дождя и холодного металла, как от начищенного ножа.

— Вы целы? — спросил голос над ней.

Голос был низкий, ровный и очень вежливый, того сорта вежливости, за которой стоит дистанция.

Она открыла рот, чтобы ответить, и вдруг поняла, что его пальцы лежат у неё на запястье поверх перчатки, а рукав задрался, и между краем перчатки и рукавом осталась полоска голой кожи. Узкая, не шире двух пальцев.

Его большой палец лежал ровно на ней.

Воспоминание ударило без предупреждения.

Не как у ворот, не волной. Точно, остро, в одну точку. Комната, которой она никогда не видела: низкий потолок, свеча, запах чернил и травяного чая. Её собственная рука на чьём-то лице, на чьей-то щеке, и этот кто-то смотрит на неё снизу вверх так, словно она единственная в мире вещь, которую он боится потерять. Её собственный смех. Её собственное имя, сказанное его голосом, тихо, на выдохе.

«Илва».

Она отшатнулась так резко, что едва не упала снова. Он не удержал, но и не отпустил сразу: его пальцы разжались на полсекунды позже, чем следовало. И в эту полсекунды Илва увидела его лицо.

Он был красив, и это раздражало сильнее всего. Тёмные волосы, мокрые от дождя, острые скулы, серые глаза, в которых холод стоял, как лёд на воде. Плащ расстёгнут у горла, и там, под ключицей, горел осколок: ровный, спокойный, цвета лунной воды. Он был выше её на голову, держался так, словно за его спиной стояла вся академия, и смотрел на неё, как смотрят на задачу, которая не сходится.

Только его рука, та самая, что только что держала её запястье, чуть заметно дрожала.

— Вы, — сказал он медленно, — не из этого года.

— Что?

— Первокурсница. Без осколка. — Он перевёл взгляд на её руки, на перчатки. На то, как она прижимала левую к груди. — Мне говорили, что кого-то зачислили по ошибке. Не

думал, что ошибка окажется настолько… — Он запнулся, и это было странно, потому что за секунду до этого он говорил ровно. — …настолько настоящей.

— Благодарю, что поймали, — сказала Илва сухо. — Не стану задерживать вас.

— Ваше имя.

— Илва Ренн.

Он ничего не ответил. Достал из внутреннего кармана тонкий кожаный блокнот, раскрыл его, и в слабом голубом свете осколка она увидела страницы, исписанные мелким, чётким почерком. Каждая строка начиналась с даты. Он листал быстро и привычно, как человек, который проверяет, где находится.

Остановился, дописал что-то. И Илва, стоявшая достаточно близко, невольно прочитала строку над той, что он писал.

Дата стояла трёхлетней давности. Почерк был тот же, только рука, видимо, тогда дрожала сильнее.

«Если встретишь Илву Ренн, не подпускай её близко. Не верь тому, что почувствуешь».

Она перестала дышать.

Он закрыл блокнот, поднял глаза, и на лице у него не отразилось ничего. Совсем ничего. Только пальцы чуть сжались на кожаной обложке.

— Меня зовут Кассиан Вейр, — сказал он тем же ровным, вежливым голосом. — Добро пожаловать в Лунгрейв, госпожа Ренн. Постарайтесь не задерживаться.

Он повернулся и ушёл в дождь. Студенты расступились перед ним, как вода перед носом корабля.

Илва стояла на ступенях и смотрела ему вслед. Запястье горело там, где его пальцы касались её кожи. Горело так, что хотелось содрать перчатку и подставить руку под ливень. Она не помнила, чтобы когда-нибудь так остро ощущала собственную кожу.

«Не подпускай её близко».

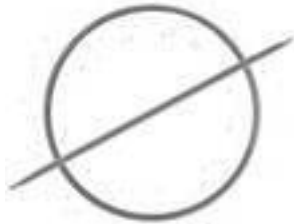
Он написал это три года назад. Три года назад она была шестнадцатилетней дочерью переписчика, которая ни разу в жизни не выезжала дальше соседнего городка. Они никогда не встречались. Он видел её впервые, она видела его впервые.

Но в чужой комнате, в чужой памяти он произнёс её имя так, словно произносил его тысячу раз.

Илва подняла сундучок, вытерла мокрое лицо рукавом и вошла в двери Лунгрейва. Где-то за спиной, в чёрном дворе, загорелся ещё один осколок. Он смотрел ей в спину, как глаз.

Ошибка.

«Это не ошибка», — подумала она впервые за всё время. И испугалась по-настоящему.

Глава 2. Правила для себя

КАССИАН ДОШЁЛ до восточной башни, ни разу не оглянувшись, и только на третьем пролёте позволил себе остановиться.

Лестница была пуста. Свет осколка ложился на каменные стены ровным лунным пятном, и в этом свете он поднял правую руку и посмотрел на неё, как на чужую.

Пальцы больше не дрожали. Но он всё ещё ощущал то, что осталось от касания: узкую полоску кожи у неё на запястье, там, где кончалась перчатка. Тёплую. Живую. Пульс бился быстро и неровно, как у птицы, пойманной в ладонь.

Он сжал кулак.

«Думай по порядку», — приказал он себе.

Комната в восточной башне была маленькой и почти пустой. Кровать, стол, узкое окно на море, шкаф с тремя одинаковыми плащами. На столе стопками лежали книги и бумаги, каждая стопка под своим камнем-пресс-папье. Он не помнил, почему расставил их именно так. Но знал, что порядок важен, потому что утром порядок возвращал ему самого себя.

Он снял мокрый плащ, сел и раскрыл блокнот на первой странице. Там не было дат, только строки, выведенные крупно, нажимом, чтобы не стёрлись:

Ты — Кассиан Вейр. Тебе двадцать один год. Твой осколок

лунный, пятой ступени.

Первое. Читай блокнот каждое утро, прежде чем с кем-либо заговоришь.

Второе. Не доверяй тишине в голове. Пустота не значит покой.

Третье. Если чувствуешь то, чего не можешь объяснить, запиши. Потом проверь.

Четвёртое. Дарену верь на слово, но проверяй по записям.

Пятое. Ты не обязан помнить, чтобы быть собой. Но должен знать, кто ты есть сейчас.

Последнее правило он написал, судя по почерку, в плохую ночь. Буквы лежали косо.

Он давно перестал удивляться таким вещам. Худшее в забвении было не то, что ты забываешь. Худшее было то, что потеря не болела. Ни дыры, ни царапины, только ровная гладкая поверхность там, где раньше что-то было. Он знал, что любил море, потому что так было записано. Смотрел на него каждое утро из этого окна и не чувствовал ничего.

Каждое заклинание стирало строку. Какую, он узнавал только потом, перечитывая записи и находя в них факты, которые ему не принадлежали.

А сегодня, пока он держал её за руку, в голове стало *тихо*.

Не той пустой тишиной, которую он научился бояться. Другой. Полной. Словно все строки вернулись на свои места и встали ровно, одна к одной. Осколок под ключицей, обычно ноющий, как больной зуб, замер и затих. Впервые за че-

тырнадцать месяцев, согласно записям, он стоял на ступенях под дождём и чувствовал себя целым.

И в этот момент девчонка в рваных перчатках дёрнулась, как от удара, и посмотрела на него так, словно видела насквозь.

Он перелистал блокнот назад. Страницы шелестели, каждая начиналась с даты. Он знал, что ищет, и всё равно замер, когда нашёл.

«Если встретишь Илву Ренн, не подпускай её близко. Не верь тому, что почувствуешь».

Три года назад. Его почерк, нажим сильнее обычного, последняя буква «м» прорвала бумагу.

Он не помнил, как это писал.

Он не помнил её.

Но стоило ему закрыть глаза, и перед ним вставало её лицо: мокрые тёмные пряди, прилипшие к щеке, упрямо сжатые губы, широко раскрытые глаза. Он видел его так ясно, будто смотрел на него не мгновение, а годы.

Кассиан открыл глаза и достал перо.

«Илва Ренн. Первокурсница. Без осколка. Прибыла сегодня.

При контакте осколок замолчал. Пустота не появилась. Причина неизвестна.

Тело отреагировало: пульс, жар, трудность дыхания. Причина: см. выше».

Он посмотрел на последнюю строчку, поморщился и за-

черкнул её.

Когда в дверь постучали, он даже не вздрогнул.

— Входи, Дарен.

Хранитель его памяти вошёл, неся под мышкой тяжёлую книгу в потёртом переплёте. Дарену Оллину было около сорока, он был невысок, сутул и всегда выглядел так, словно не спал неделю. Он служил роду Вейр с тех пор, как Кассиан себя помнил, то есть, как выяснилось, с тех пор, как он помнил хоть что-то. Ему он доверял, потому что другого выбора не было.

— Милорд. Вы просили принести хронику за последние годы.

— Я просил её утром. Ты опоздал.

— Прошу прощения. — Дарен положил книгу на стол и не смотрел на неё. — Что-то случилось?

— Первокурсница. Илва Ренн. Что о ней известно?

Он смотрел не на лицо, а на руки. Дарен Оллин был человеком, который двадцать лет писал чужие жизни; его лицо научилось не выдавать ничего. Но руки у него были живыми.

Пальцы чуть шевельнулись и сжались.

— Первый раз слышу это имя, милорд.

— Правда.

— Разумеется.

Кассиан раскрыл хронику. Каждая строка в ней была аккуратной, выверенной: даты, события, имена, наставления для самого себя на следующий день. Он листал быстро, пока

не дошёл до года, который искал.

Страницы кончались и начинались заново. Между ними не было ничего. Том за три года, на которые указывала запись в блокноте, отсутствовал: сначала шли ровные листы, потом срез, как после ножа, и снова ровные листы.

— Где остальное?

— При переезде из поместья в Лунгрейв кое-что утратилось, милорд. Часть записей… — Дарен замолчал, подбирая слово. — Не уцелела.

— Эти три года.

— Так вышло.

Он не лгал. Но и не говорил всей правды, потому что у лгущих людей другой голос. А у Дарена голос был ровный, осторожный, как у человека, который идёт по тонкому льду.

— Не ищите, милорд, — сказал Дарен тихо. — Иногда пустота это милость.

Кассиан закрыл книгу.

— Милость мне решать самому, — ответил он. — Не тебе.

Хранитель поклонился и вышел. Дверь закрылась без звука.

Госпожа Орвин принимала в кабинете на втором этаже главного корпуса. Она была женщиной крупной, строгой и в любое время суток выглядела так, будто только что закончила длинное совещание. Когда он вошёл, она не подняла головы от бумаг.

— Лорд Вейр. Полагаю, речь о новой студентке.

— Я прошу её отчислить.

— Разумеется, просите. — Она наконец посмотрела на него поверх очков. — Основания?

— У неё нет осколка. Это академия для магов.

— У неё есть королевская печать. — Орвин постучала пальцем по бумаге. — Приказ о зачислении пришёл не из нашей канцелярии. Он пришёл из дворца, с личным оттиском Совета. Я не имею права ни отменить его, ни оспорить. Вы понимаете, что это значит?

Он понимал. Он понимал это слишком хорошо, чтобы ответить сразу.

— Значит, кто-то во дворце хочет, чтобы она здесь была.

— Значит, — сказала Орвин сухо, — что у девочки испытательный срок до Зимнего круга. Если не справится, уйдёт. Это всё, что я могу.

— Тогда я лично прослежу, чтобы не справилась.

Слова прозвучали резче, чем он планировал. Орвин медленно сняла очки и положила их на стол.

— Лорд Вейр, — сказала она. — Вам, как правило, всё равно, кто здесь учится. Вы не знаете имён половины своего курса. Вы пришли ко мне через час после первой встречи с незнакомой девочкой и требуете её отчислить. — Она помолчала. — Это самое необычное, что я слышала от вас за все четырнадцать месяцев.

Четырнадцать месяцев. Он удивился, что она знает об этом, и тут же понял, что знают, наверное, все.

— Вероятно, — сказал он ровно, — я просто осторожен.

— Вероятно, — согласилась Орвин и снова взяла перо. — Можете идти.

Ночью он не спал.

Лежал на спине, глядя в потолок, и слушал. Осколок под ключицей молчал, и это молчание было невыносимым. Не потому, что давило, а потому, что он знал: стоит ей отойти подальше, и боль вернётся. А он, дурак, уже успел привыкнуть к её отсутствию.

Он вспоминал не лицо, а запястье. Тонкое, с проступающей косточкой, с бьющейся под большим пальцем жилкой. Как она вздрогнула. Как резко втянула воздух, когда он на полсекунды дольше, чем нужно, не отпускал её руку. Как покраснели у неё кончики ушей, а она ещё пыталась сделать вид, что ничего не случилось.

Он вдруг поймал себя на том, что улыбается в темноте. Улыбка исчезла так же внезапно, как появилась.

«Нет», — подумал он. — «Нет, ни за что».

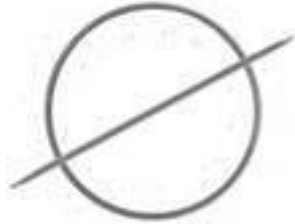
Он встал, зажёг свечу и снова раскрыл блокнот. Нашёл последнюю строчку и дописал под ней:

«Выяснить, почему. Затем избавиться».

Подчеркнул дважды.

Потом долго смотрел на две линии. Одна легла ровно. Вторая дрогнула в самом конце, как будто писавшая её рука не хотела закончить.

Он не узнал собственного почерка.

Глава 3. Лунный серп

ИЛВА ПРОСНУЛАСЬ оттого, что кто-то громко и с чувством ругался на занавеску.

— Ну давай же, — шипела девушка с рыжими, торчащими во все стороны волосами, дёргая ткань. — Не горишь, значит? А вчера горела прекрасно!

Илва села на кровати. Комната на двоих была тесной, с двумя узкими койками, общим столом и окном на внутренний двор. Рыжая обернулась, и на её скуле расцвела улыбка, широкая, как у человека, который не умеет злиться дольше минуты.

— О, ты проснулась! Лина Корвин, осколок искры, вторая ступень. Прости за занавеску. Я пыталась зажечь свечу, но поспешила.

— Илва Ренн, — ответила Илва, вспомнив, что надо говорить хоть что-то. — Без осколка.

— Ага, знаю, весь корпус только об этом и говорит. — Лина плюхнулась на свою койку. — И знаешь что? Это здорово. Значит, ты не будешь поджигать мне вещи. Это уже плюс.

Илва так растерялась, что рассмеялась. Впервые за последние недели. Смех вышел коротким, хриплым, но настоящим.

Она накинула плащ, поправила перчатки. Левую она вчера вечером заштопала красной нитью, потому что другой не

нашлось. Получилось неровно, зато надёжно. Лина покосилась на её руки, но ничего не спросила, за что Илва была ей благодарна.

— Сегодня показательный бой, — сообщила Лина, собирая волосы в хвост. — Ты не знаешь? Каждый год в первую неделю лучший студент выходит в зал и показывает первокурсникам, на что способна старшая ступень. Все ждут. Говорят, в этом году выйдет Вейр.

Ложка в руке Илвы замерла на полпути ко рту.

— Вейр?

— Кассиан Вейр. Лунный осколок, пятая ступень. Таких в Лунгрейве двое, и второй уже выпустился. — Лина вздохнула мечтательно. — Красивый, как с гравюры, и холодный, как зимняя вода. Не подходи к нему, говорят, замёрзнешь.

«Поздно», — подумала Илва, вспомнив, как горело её запястье.

Боевой зал находился в нижнем ярусе, под самой скалой. Круглый, с песчаным полом и стеклянным куполом, сквозь который падал серый утренний свет. По краю тянулся серебристый барьер, тонкая светящаяся сеть, отделявшая арену от скамей. Первокурсники сидели ярусами, шумные и взбудораженные. Илва втиснулась рядом с Линой и спрятала руки в рукава.

Мастер Холвин Тарн, сухой, жилистый, лысый, как колено, и с лицом человека, который видел всё и ничему не удивился, вышел на арену и стукнул посохом по песку.

— Тишина! Сегодня вы увидите, что такое пятая ступень. Не восторгайтесь. Запоминайте. Через два года половина из вас будет стоять на этом песке, а вторая половина будет мертва или забыта.

Ряды притихли. Кто-то нервно хихикнул.

— Против него, — Тарн махнул посохом, — выйдут трое старшекурсников. Все четвёртой ступени. Бой до первой потери равновесия. Начинайте.

С противоположной стороны вышли трое: широкоплечий парень с огненным осколком, девушка с зелёным светом и высокий худой юноша, от которого шёл слабый запах грозы.

А потом вышел Кассиан.

Он шёл через арену медленно, без спешки, как человек, которому не нужно ничего доказывать. Тёмный плащ он снял, и на нём осталась тонкая рубашка с расстёгнутым воротом. Осколок под ключицей мерцал ровным лунным светом. Волосы были убраны назад, и Илва впервые увидела его лицо при дневном свете: бледное, спокойное, почти скучающее.

Он ни разу не посмотрел на трибуны. Он вообще не смотрел ни на кого.

Только на левом предплечье, там, где рукав был закатан до локтя, Илва разглядела что-то тёмное. Чернила. Строчки мелкого почерка.

— Что там у него на руке? — прошептала она.

— Не знаю, — так же тихо ответила Лина. — Может,

шпаргалка?

Мастер Тарн поднял посох.

— Начали!

Парень с огненным осколком двинулся первым. Воздух вокруг него дрогнул, рыжий шар сорвался с ладони и ударил Кассиану в грудь.

Кассиан не отшатнулся.

Он просто поднял правую руку, и из ладони потянулась тонкая серебристая дуга, будто сама луна отломила от себя тонкий серп. Серп перерезал огненный шар пополам. Две половины пролетели мимо, не коснувшись его, и ударились в барьер.

— Лунный клинок, — выдохнул кто-то сзади.

И в тот же миг Илва увидела то, чего не заметили остальные.

Из осколка у него в груди вылетели искры. Бледные, едва заметные, как пепел, и они не гасли, а тихо поднимались вверх и растворялись под куполом. Одна. Две. Пять. Как будто кто-то рассыпал горсть чужих мыслей.

Она сжала кулаки в рукавах.

«Это плата».

Кассиан тем временем уже двигался. Двое остальных атаковали одновременно: зелёные лозы выстрелили с левой стороны, молния сорвалась справа. Он не стал уклоняться. Он вдохнул, и воздух в зале вдруг стал тяжёлым, как перед грозой над морем.

Песок под его ногами поднялся.

Он не взлетел, а *потёк*, медленной серебристой волной, будто сам зал вдруг превратился в прилив. Волна накрыла лозы, сбила молнию и швырнула парня с зелёным осколком на колени. Он упал, хватая ртом воздух, будто его придавило невидимой ладонью.

— Прилив, — сказал кто-то с восторгом. — Это же прилив!

И снова Илва увидела искры. На этот раз их было больше.

Кассиан на долю секунды замер. Его взгляд скользнул вниз, к левому предплечью, к строчкам чернил, и вернулся обратно. Движение было почти незаметным, но Илва заметила. Как заметила и то, что пальцы его правой руки на мгновение дрогнули, как у человека, который забыл, что хотел сделать.

Он сверился с записью. В бою. Посреди боя.

От этого ей стало холодно. Так холодно, как не было даже под дождём у ворот.

Двое старшекурсников лежали на песке. Остался третий, высокий, пахнущий грозой, и он явно решил не сдаваться. Разряд за разрядом он бил молниями, пока воздух не заискрил. Кассиан отступал, не торопясь, но с каждой атакой на лице у него проступало что-то новое: сосредоточенность, напряжение, едва заметная усталость.

«Он платит каждым шагом, — подумала Илва. — Ему тяжело, и он всё равно делает вид, что нет».

Она сама не заметила, как поднялась. Не заметила, как спустилась по ступеням до самого барьера и остановилась в нескольких шагах от сияющей сети, вглядываясь в арену. Лина что-то шептала ей вслед. Она не слышала.

Кассиан поднял руку. Серебристые нити потянулись из тени у него под ногами, тонкие, как паутина, и опутали противника с ног до головы. Парень дёрнулся, рванулся, но нити держали его, не давая сделать ни шагу.

Это была третья способность. Самая сильная и самая дорогая. Илва ждала искр.

Их не было.

Ни одной. Осколок под ключицей Кассиана горел ровно и ясно, как будто ничего не произошло. Нити сомкнулись, противник опустил руки, мастер Тарн стукнул посохом.

— Победа! Лорд Вейр. Достойно.

Зал взорвался шумом. Первокурсники кричали и хлопали, кто-то свистел. Илва стояла у барьера и смотрела на Кассиана.

Он тоже смотрел на неё.

Через арену, через ряды разгорячённых лиц, через серебристую сеть барьера. Серые глаза, холодные, внимательные. Грудь у него часто вздымалась, на виске блестел пот, а расстёгнутый ворот открывал ключицы и тёмную линию, где под кожей светился осколок. Потом он медленно отвёл взгляд и пошёл прочь.

Когда студенты расходились, а толпа стекала к выходу, он

остановился рядом с ней.

Не вплотную. На расстоянии вытянутой руки. От него пахло озоном, потом, нагретой кожей и чем-то ещё, неуловимым, как запах лунного света, если бы у него был запах. Илва заставила себя не отступить.

— Вы стояли слишком близко к барьеру, госпожа Ренн, — сказал он тихо.

— Мне оттуда было лучше видно.

— Не подходите так близко.

— А если подойду?

Слова вылетели прежде, чем она успела их остановить. Она почувствовала, как краснеют кончики ушей.

Кассиан молчал. Он смотрел на неё так, словно она была задачей, у которой не сходился ответ. Потом поднял левую руку, чтобы поправить рукав, и рукав сполз.

Чернила на предплечье были свежими. Мелкие строчки, имена, даты, короткие заметки. «Вард». «Иссен». «Корт». «Ты в бою. Это не опасно». И внизу, последней строкой, размазанной потом, но всё ещё читаемой, единственное слово, выведенное резче остальных:

«Ренн».

Он заметил, куда она смотрит. Рукав опустился. На мгновение между ними повисла такая тишина, что Илва слышала, как стучит в висках её собственная кровь.

— Всего доброго, госпожа Ренн, — сказал Кассиан и ушёл.

Лина подбежала, запыхавшаяся, с горящими глазами.

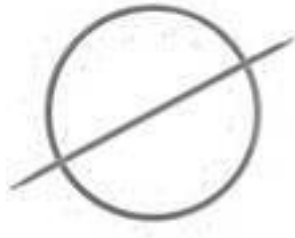
— Он с тобой разговаривал! Ты слышишь? Сам Вейр! О чём он? Что он сказал?

— Ничего, — ответила Илва, глядя ему вслед. — Предупредил, чтобы я не подходила к барьеру.

Но слова он выбрал не те, что за ними стояли. И имя на его руке жгло ей глаза, как будто его написали не чернилами, а огнём.

Он писал это имя перед каждым боем. Чтобы не забыть, что она существует? Или чтобы помнить, чего остерегаться?

Она не знала. И впервые поняла, что хочет узнать это больше, чем остаться в этой академии.

Глава 4. Контрольная проба

В СТАРОМ тренировочном зале пахло пылью и холодным камнем.

Кассиан выбрал его не случайно. Зал находился в самом низу, под боевой ареной, и им не пользовались с тех пор, как прошлой зимой в нём обрушился потолок. Здесь не было ни Тарна, ни студентов, ни чужих глаз. Только голые стены, груда разбитых скамей и пять белых карточек, разложенных на полу в ряд.

Он стоял над ними с пером в руке и перечитывал то, что написал.

Каждая карточка хранила одну мелочь. Не важную, не опасную, из тех, что он пока помнил сам, без записей.

«1. Первое утро в Лунгрейве. Окно на восток, чай с мятой».

«2. Мастер Тарн однажды назвал меня по ошибке чужим именем. Я промолчал».

«3. Трещина на третьей ступени главной лестницы. Я всегда перешагиваю её левой ногой».

«4. Дарен хранит в кармане сушёные яблоки. Думает, что я не замечаю».

«5. Запах озера. Мне было лет девять. Кто-то держал меня за руку».

Последнюю он писал дольше всех. Рука сама остановилась

над словом «кто-то», и он не стал его менять.

Это был план проверки. Чистый, нудный, как все хорошие планы: пять заклинаний, пять разных расстояний, пять воспоминаний на кону. Он не знал заранее, какое именно заберёт осколок. Но знал, что в тот раз, на арене, платы не было, и ему нужно было узнать, не примерещилось ли ему.

Третье правило, — подумал он. — Если чувствуешь то, чего не можешь объяснить, запиши. Потом проверь.

Он встал в центр зала и поднял правую руку.

Первый серп вышел тонким и холодным. Ладонь обожгло привычным серебром, дуга ударила в дальнюю стену и оставила на камне белую черту. А осколок под ключицей отозвался так, как отзывался всегда: коротким ледяным уколом, будто в грудь воткнули иглу из льда.

Он опустил руку и подождал. Потом подошёл к карточкам и прочёл первую вслух:

— Первое утро в Лунгрейве. Окно на восток, чай с мятой.

Слова легли в воздух ровно и пусто. Они были правильными, понятными, вежливыми. Он знал, что это его почерк. Знал, что у него был чай, что было окно, что было утро. И ничего за этим не стояло. Ни запаха, ни света, ни вкуса. Страница, из которой вырвали картинку, но оставили подпись.

Он перечитал вторую карточку. Тарн, чужое имя, молчание. Осталось всё.

Он перечитал остальные. Осталось всё.

«Одна, — записал он на предплечье. — Цена стандартная.

Одно воспоминание за один серп».

— Вы всегда так делаете?

Кассиан не вздрогнул. Только очень медленно повернул голову.

На лестнице, ведущей вниз, в проломе обвалившейся стены, стояла Илва Ренн. Плащ накинут поверх ночной рубахи, босые ноги засунуты в сапоги, волосы заплетены в небрежную косу. В руках она держала погасший фонарь. Перчатки на ней были, конечно.

— Госпожа Ренн. Сейчас глубокая ночь.

— Я знаю. Я не могла уснуть. — Она спустилась на пару ступеней и остановилась, разглядывая карточки у его ног. — А потом увидела свет внизу. Тут по ночам кто-то колдует. Мне любопытно стало.

— Любопытство вредит первокурсникам.

— Мне уже вредит всё подряд. — Она сказала это просто, без вызова. — Что вы тут делаете?

Он мог ответить «ничего». Мог приказать ей уйти. Мог закончить проверку позже, в другую ночь. Все три варианта были разумными, и он понял, что ни один не выберет.

— Эксперимент, — сказал он.

— Над чем?

— Над собой.

Она спустилась до конца. Остановилась в десяти шагах, у разбитых скамей, и склонила голову набок. Свет осколка на её лице был мягким и холодным.

— Хотите, чтобы я ушла?

— Хочу, чтобы вы остались там, где стоите.

Она моргнула.

— Что?

— Не двигайтесь. Пожалуйста.

Он не знал, почему добавил «пожалуйста». Слово вышло само, как будто его произнёс кто-то другой.

Он выдохнул и поднял руку.

Второй серп получился чуть шире первого. Белая черта легла на стену рядом с первой, а осколок кольнул слабее, как будто игла успела затупиться по дороге. Кассиан подошёл к карточкам и перечитал вторую, третью, четвёртую, пятую.

Все на месте. Значит, то, что не вернуть, он потерял в первый раз, и ни разу больше.

— Что вы проверяете? — спросила Илва.

— Что осталось.

— Осталось?

— Осколки забирают память. — Он заставил голос звучать ровно. — Каждое заклинание уносит из меня что-то. Раньше я не знал, что именно, пока не перечитывал записи. Теперь я заранее выбираю, что готов потерять.

Она долго молчала. Потом тихо спросила:

— И что вы потеряли в первый раз?

Он поднял карточку и протянул ей.

— Моё первое утро здесь.

Она подошла. Взяла белый прямоугольник двумя пальца-

ми, как берут что-то хрупкое, и прочла. Её губы чуть шевельнулись на слове «мята».

— И вы совсем… не помните?

— Я помню, что это было. Не помню, каким оно было.

Он ждал сочувствия. Ждал жалости, к которой привык, от Дарена, от Орвин, от всех, кто знал про четырнадцать месяцев. Жалость он выносил хуже, чем забвение.

Илва не жалела его. Она смотрела на карточку так, как смотрят на найденный чужой дневник: с уважением и ужасом.

— Тогда зачем вы это делаете? — спросила она наконец.

— Чтобы понять, почему на арене не было платы.

Она подняла глаза.

— Ага.

Он ждал продолжения. Продолжения не было. Её лицо оставалось закрытым, как дверь, и только мочки ушей розовели в голубоватом свете.

— Вы что-то знаете, — сказал он.

— Я знаю, что вы остановились на третьем заклинании и не поморщились. — Она протянула карточку обратно. — Если хотите, я могу постоять поближе.

— Поближе.

— Для эксперимента.

— Для эксперимента, — повторил он и почувствовал, как у него на мгновение пересохло во рту.

Она шагнула на три шага вперёд и остановилась в семи от

него. Он поднял руку.

Третий серп вышел почти без усилия. Он ударил в стену, как нож в масло, а укол в груди был едва ощутим, как комариный. Кассиан прочёл карточки. Все пять.

Хотя нет, четыре. Одна из них, третья, про трещину на ступени, зазвучала глухо, как через толстое стекло. Он помнил, что перешагивает её левой ногой, но не помнил, почему.

«Семь шагов. Слабая плата. Воспоминание тускнеет, но не стирается».

— Что, — сказала Илва очень осторожно, — вы сейчас записали?

— Расстояние. — Он не поднял глаз. — Дальше.

Она подошла на четыре шага, потом на три. Остановилась так близко, что он мог разглядеть мелкую красную штопку на левой перчатке: кривую, неумелую, наспех сделанную. Он вдруг подумал, что ей, наверное, холодно в этой рубахе. И что у него на её месте было бы неловко стоять босой в пыльном зале перед почти незнакомым человеком.

Он поднял руку и тут же её опустил.

— Что? — шёпотом спросила она.

— Ничего. Задумался.

Он поднял снова.

Четвёртый серп ушёл в потолок, оставил в нём тонкую трещину, и укол в груди не пришёл вообще. Ни льда, ни иглы, только лёгкое тепло, будто осколок, выдохнув, расслабился.

Он стоял, не опуская руки, и слушал.

Пятая карточка, озеро и чья-то рука. Он помнил её целиком. Холодную воду. Запах мокрых камышей. Ладонь, державшую его ладонь, с мозолью на большом пальце. Он помнил всё.

— Вы улыбаетесь, — тихо сказала Илва.

Он опустил руку.

— Нет.

— Чуть-чуть.

— Вам показалось.

Но он понял, что она права, потому что лицо отозвалось на слова лёгким натяжением в уголке рта. Он стёр улыбку, но поздно.

— Последняя проба, — сказал он. — Ближе, чем сейчас.

— Насколько ближе?

— На расстоянии вытянутой руки.

Она не ответила. Просто сделала ещё два шага и остановилась.

Теперь между ними было меньше аршина. Он ощущал её дыхание, неровное, быстрое. Видел, как под воротником ночной рубахи бьётся жилка на шее. От неё пахло дождём, чернильным порошком и чем-то тёплым, чем-то совсем неподходящим для холодного зала. Хлебом, что ли, и ещё лавандой, которой в Лунгрейве не было.

Он вдруг осознал, что слышит, как она сглатывает.

— Вы дрожите, — сказала Илва.

— Здесь холодно.

— Здесь тепло.

Она сказала это очень тихо и, кажется, сразу пожалела. Отвела взгляд, прикусила губу. Кассиан смотрел на её профиль, на упрямую линию подбородка, на выбившуюся из косы прядь, и в какой-то момент поймал себя на том, что поднял левую руку и не знает, зачем. Пальцы остановились в воздухе у её лица.

Он не коснулся её. Он вообще не должен был этого делать.

— Простите, — выдавил он и отдёрнул руку.

— Я не… — начала она и замолчала.

Они стояли так секунду, две, три. Потом он повернулся к стене и с силой выдохнул.

— Последний серп.

Серебро вырвалось из ладони так легко, будто его вытянули тонкой нитью. Дуга прочертила зал и растворилась под потолком. Осколок молчал.

Совсем молчал.

А потом произошло то, чего он не планировал.

Мир сдвинулся.

Не сильно: на мгновение, как будто кто-то на секунду приоткрыл ставню. Он увидел окно. Низкое, с деревянным переплётом, и за ним серую воду. Свеча на подоконнике. Запах чернил. Чей-то смех, негромкий, насмешливый, очень знакомый.

— *Если забудешь, я напомню*, — сказал голос. Её голос.

И пальцы, тонкие, в чернильных пятнах, коснулись его щеки.

Всё.

Окно исчезло. Остались стены, пыль и холодный лунный свет.

Он стоял, прижав ладонь к груди, и дышал, как после бега.

— Кассиан?

Она назвала его по имени. Впервые. Он даже не успел решить, нравится ли ему это.

— Что вы увидели? — спросила Илва.

Он повернулся к ней. Она смотрела на него огромными тёмными глазами, и в них было что-то, чего он не мог прочесть: не страх, не любопытство. Узнавание.

— Ничего, — сказал он. — Усталость.

Она не поверила. Это было видно сразу. Но спорить не стала.

— Тогда вы, наверное, хотите, чтобы я ушла.

— Мне нужно ещё несколько проб. — Слова выходили холодными, ровными, как всегда. — Дважды в неделю, здесь, после отбоя. Я не обещаю не добиваться вашего отчисления.

— Я не обещаю не мешать.

— Понял.

— Хорошо.

Она пошла к лестнице, остановилась у пролома и обернулась.

— Лорд Вейр.

— Да?

— Тот вечер, у ворот. Вы сказали «не из этого года». Что вы имели в виду?

Он молчал долго. Потом честно ответил:

— Не знаю.

Она кивнула, как будто ждала именно этого ответа, и исчезла в темноте.

Кассиан ещё долго стоял среди карточек. Потом собрал их, сложил в ладонь и поднялся в башню. Сел за стол, открыл блокнот и написал на чистой странице две строки.

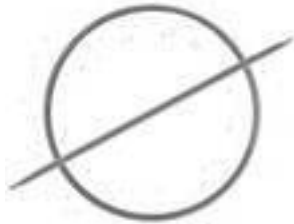
«Расстояние до Ренн определяет цену: чем ближе, тем меньше. С трёх шагов и ближе платы нет. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, осколок молчит совсем».

«В тот момент я вспомнил её голос. Или придумал».

Он посмотрел на свои записи, потом перелистнул блокнот назад, к старому правилу, написанному трёхлетней рукой.

«Не верь тому, что почувствуешь».

Положил перо между двумя страницами, как закладку. Ни одну из строк он не подчеркнул.

Глава 5. Пустой камень

УТРО НАЧАЛОСЬ с того, что Лина разбудила её вопросом:

— Ты вообще спала?

— Немного.

— Врёшь. У тебя под глазами два синяка, и ты ночью ушла. Я проснулась, а твоя койка пуста. — Лина села на кровати, взъерошенная и страшно довольная собой. — Куда ты бегала?

— В уборную.

— Два часа?

Илва натянула сапоги и сделала вид, что очень занята шнуровкой. Ночь стояла у неё перед глазами так ясно, что она боялась, как бы это не отразилось на лице: пыльный зал, белые карточки на каменном полу, и человек, который смотрел на неё, как на ответ, которого не ждал. «Вы дрожите». «Здесь тепло». Она до сих пор не понимала, зачем это сказала.

— Ладно, не хочешь, не говори. — Лина вздохнула, но не обиделась. — Только знай, что весь корпус уже болтает. Кто-то видел свет в нижнем зале. Говорят, там призрак. Или Вейр.

— Это одно и то же?

— Для многих, пожалуй, да.

Первым занятием была теория осколков. Читал её магистр Ойвин Кроу, старик с длинным носом и сухим, ровным голосом, от которого клонило в сон даже на втором ряду. Аудитория поднималась амфитеатром. Илва заняла место в самом верху, у стены, и положила перед собой тетрадь. Она переписывала лекции быстрее, чем кто-либо вокруг: с детства отец водил её рукой по пергаменту, и теперь перо бежало само.

— Осколок, — вещал Кроу, — есть не источник силы, а её проводник. Он выбирает носителя в возрасте от десяти до шестнадцати лет, когда тело ещё достаточно податливо. Ступень определяет глубину связи…

— А если не выбрал? — спросили снизу.

Голос был звонкий, насмешливый, почти ласковый. Илва даже не сразу поняла, к кому он относится.

Говорил высокий белокурый парень в третьем ряду. Дорогой камзол цвета слоновой кости, серебряная цепочка на шее, осколок ветра, бледно-серый, мерцающий у ворота. Он сидел, развалившись, вытянув ноги в проход, и обращался к магистру, но смотрел через плечо на неё.

— Простите, магистр, я просто интересуюсь. Это ведь академия для носителей. А если, допустим, кто-то прошёл по ошибке? Что с ним делают?

— Господин Солвейн, — сухо сказал Кроу.

— Эдрик, — поправил парень и широко улыбнулся. — Эдрик Солвейн. Мой дядя в Малом совете. Он очень любит

порядок.

Лина рядом глухо застонала.

— Это он, — прошептала она, не поворачивая головы. — Ветер, вторая ступень. Дядя у него всё решает во дворце, так что он думает, что и здесь тоже. Не слушай.

— Я не слушаю.

— Слушаешь. Руки сжала.

Илва посмотрела на свои руки. Они действительно были сжаты в кулаки.

Магистр Кроу поднял ладонь.

— Практикум. Сегодня мы проверим резонанс. Каждый берёт пробный кристалл и держит в ладони. Если осколок откликается, кристалл начинает светиться. Это не оценка, а лишь замер.

Он прошёл вдоль рядов, раздавая гладкие матовые камешки размером с перепелиное яйцо. У Лины тот сразу вспыхнул тёплой оранжевой искрой, и она радостно пискнула. У Эдрика засветился холодной серой дымкой. Остальные кристаллы загорались один за другим, зелёным, красным, голубым, пока по амфитеатру не разлилась пёстрая россыпь огней.

Камень в руках у Илвы остался тёмным.

Она сжала его сильнее, как будто это могло помочь. Камень был гладкий, холодный и абсолютно мёртвый.

— Пустой, — сказал кто-то сзади и хихикнул.

— Тише, — одёрнул Кроу и подошёл к ней. Старик смот-

рел устало, без злобы. — Госпожа Ренн. Вам, разумеется, известно, что вы не обязаны… Хотя нет. Вам придётся. Правило академии: проба проходит без перчаток. Снимите, пожалуйста.

Тишина упала на аудиторию.

Илва медленно подняла голову.

— Это обязательно?

— Устав.

— Магистр, у меня… — Она запнулась. — У меня кожная болезнь. Мне запрещено…

— Тогда нужно разрешение госпожи Орвин. У вас оно есть?

Она молчала. Разрешения у неё не было, потому что она не знала, что оно понадобится.

— Госпожа Ренн, — мягче сказал Кроу, — снимите перчатку. Камень не кусается.

«Не камень», — подумала Илва.

Через голую кожу кристалл расскажет ей всё. Всех, кто держал его до неё, всё, что в него вложили, всю тёмную, закопчённую память вещи, которой касались сотни рук. Она слишком хорошо помнила ворота, и после них два дня ей снились чужие лица.

— Давайте поможем ей, — лениво предложил Эдрик из третьего ряда. — Мы же заботливые.

Он не встал. Только слегка шевельнул пальцами, и по аудитории прошёл тонкий порыв ветра. Он рванул подол её

плаща, зашелестел страницами тетради и сбросил со стола перо. Потом выхватил камень у неё из руки и швырнул его в проход.

— Эдрик! — вскрикнула Лина.

— Что? Я просто подул. — Он развёл руками. — Если у вас нет осколка, госпожа Ренн, откуда у вас право сидеть среди нас? Вас зачислили по ошибке. Мой дядя читал приказ. Он очень смеялся.

Илва застыла.

— Читал?

— Малый совет подписал его ещё весной, — доверительно сообщил Эдрик, наклоняясь вперёд. — Печать оттиснули, а потом все гадали, кто вообще такая Илва Ренн. Дядя говорит, это самый нелепый приказ за двадцать лет. Но приказ есть приказ.

Весной. Отец умер весной, а письмо пришло три недели назад.

— Господин Солвейн, довольно! — Кроу ударил ладонью по кафедре. — Вон отсюда, на разговор к мастеру Тарну!

Эдрик поднялся, лениво поправил камзол, послал Илве улыбку, от которой хотелось вымыть руки, и пошёл к выходу.

Илва не слышала, что говорил дальше магистр. Не слышала, как Лина что-то шептала ей в ухо. В голове у неё стучало одно: *ещё весной*.

В коридоре было людно и сквозило. Илва прислонилась к стене у окна, вдыхая холодный воздух с моря, и пыталась

не трястись. Слёз не было. Была только злость, плотная, горячая, как у человека, которого заставили держать крышку над кипящим котлом.

— Ренн.

Она вздрогнула. Эдрик стоял в трёх шагах, прислонившись плечом к колонне. Один. Улыбка на лице, как пятно на скатерти.

— Я не договорил, — сказал он. — Ты, наверное, думаешь, что у тебя здесь покровители. Что кто-то там, наверху, за тебя заступится.

— Я ничего не думаю.

— И правильно. — Он оттолкнулся от колонны. — Потому что здесь любого можно убрать. Тихо. Без шума. Несчастный случай на лестнице, например. Здесь очень скользкие ступени.

— Это угроза?

— Дружеский совет.

Порыв ветра ударил ей в лицо так резко, что она отшатнулась и упёрлась спиной в подоконник. Эдрик шагнул ближе, и она поняла, что воздуха между ними стало меньше, будто его выдавили. Горло перехватило.

— Господин Солвейн.

Голос прозвучал негромко. Ровный, спокойный, вежливый и совершенно ледяной.

Эдрик замер. Ветер опал, как будто его срезали ножом.

В конце коридора стоял Кассиан Вейр. Без плаща, в тём-

ной рубашке с засученными рукавами, с пачкой бумаг под мышкой. Взгляд его был спокойным и пустым, точно у человека, которому только что напомнили, что он забыл важное дело.

— Лорд Вейр, — осторожно сказал Эдрик. Улыбка на лице осталась, но стала тоньше. — Не ожидал.

— Мастер Тарн ищет вас. — Кассиан не смотрел на Илву. Вообще. — Сейчас.

— Мы просто беседовали…

— Сейчас.

Одно слово. Негромкое, без угрозы. От него по коридору прошёл холод, почти осязаемый, и Эдрик, секунду поколебавшись, натянуто поклонился и ушёл. Шаги его затихли вдали.

Они остались вдвоём.

— Благодарю, — сказала Илва.

— Не за что. — Он перехватил бумаги другой рукой. — Вы ошибаетесь, если думаете, что я вас защищал. Мне не нравится, когда шумят возле моей башни.

— Эта башня на другом конце академии.

— Тем более.

Он развернулся, собираясь уйти, и остановился. На одну секунду, на одно дыхание. Она увидела, как у него напряглась спина.

— Вы не выспались, — сказал он, не оборачиваясь.

— Были причины.

— Мне говорили, что крепкий чай помогает.

— Мне говорили, что вы не любите, когда вам перечат.

— Не люблю.

Он ушёл. Но на пороге Илва успела заметить, как правая рука его на мгновение сжалась в кулак, как у человека, который что-то хотел сказать и передумал.

Вечером в комнате было тихо. Лина убежала на какое-то девичье собрание, оставив после себя запах жжёного сахара и три пустых чашки на столе. Илва заперла дверь, села на койку и достала из-под подушки письмо.

Бумага была плотная, кремовая, с глубоким оттиском королевской печати. Она давно выучила его наизусть: каждую завитушку, каждую запятую. Но в этот раз она поднесла лист к лицу.

Запах.

Слабый, неуловимый, он жил на бумаге, как жил на её пальцах, на плащах, на отцовских перьях в сумке. Лаванда.

Отец добавлял каплю лавандового масла в свои чернила, чтобы моль не точила пергамент. Это была его причуда, его маленькая тайна. «Хорошее чернило должно пахнуть домом, — говорил он. — Тогда и слова будут тёплыми». Он никому не продавал эту смесь. Варил её только для себя.

Илва медленно перевернула лист. Строки были выведены безупречно, каллиграфическим «королевским» почерком, каким переписывали указы. Она знала этот почерк. Каждая буква «р» заканчивалась тем же лёгким завитком, который

отец ставил, когда уставал.

Она закрыла глаза.

Осторожнее, — подумала она. *Не надо. Ты не знаешь, что там.*

Но голос внутри был упрямее здравого смысла.

Левую перчатку она сняла медленно, палец за пальцем. Красная штопка ещё держалась. Рука под ней казалась непривычно бледной и тонкой, почти чужой. Илва задержала дыхание и положила ладонь на строку, где значилось её имя.

Мир качнулся.

Мастерская. Низкий потолок, свеча, запах чернил и лаванды. Отец сидит за столом, ссутулившись, как всегда, а за его плечом стоит кто-то высокий, в тёмном плаще с глубоким капюшоном. Лица не видно. Только руки: бледные, длиннопалые, с кольцом на мизинце, на котором мерцает осколок.

— *Пишите*, — говорит человек. Голос ровный, без возраста, без имени. — *Дословно. Как я сказал.*

— *Она не носит осколка.*

— *Пишите.*

Отец пишет. Рука у него дрожит, и всё равно каждая буква ложится чётко. Он выводит её имя: *Илва Ренн*. И задерживает перо на последней букве, так что на бумаге остаётся крохотная капля.

— *Она ничего не знает*, — тихо говорит он.

— *Пока.*

— Я не… я не хотел…

— Вы дали слово, мастер Ренн.

И отец, её тихий, сутулый, добрый отец, который никогда не повышал голоса, вдруг закрывает лицо ладонью и беззвучно плачет. Плечи у него ходят ходуном. Потом он берёт перо, дописывает последнюю строку и шепчет так тихо, что её слух, слух чужой памяти, едва ловит слова:

— Прости, Илва. Прости меня.

Видение оборвалось, как нить.

Она сидела на койке, прижав руку к груди. Сердце колотилось. Письмо выскользнуло из пальцев и лежало на одеяле, как раскрытая рана.

Отец знал.

Не просто знал: он сам написал это письмо. Своей рукой, своими чернилами, под диктовку человека, которого она не могла назвать. Он плакал, когда писал, и никому не сказал ни слова. Он умер весной, а приказ о её зачислении был подписан ещё при его жизни.

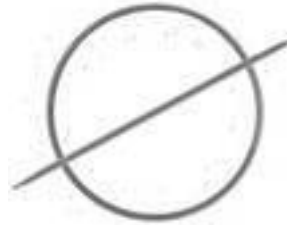
Илва медленно натянула перчатку обратно.

Она не заплакала. Сидела, глядя на потушенную свечу, пока в окно не потянуло ночной сыростью, и думала только об одном.

«Я здесь не по ошибке, — повторяла она. — Меня сюда привели».

Кольцо с осколком на бледном мизинце. Малый совет. Весна.

И человек с лицом, которого она не увидела, сказал: *пока*.

Глава 6. Пять мест за круглым столом

УТРОМ КАССИАН прочёл блокнот от первой строки до последней, как делал каждый день, и на странице, которую писал три дня назад, остановился.

«Эдрик Солвейн, первокурсник. Ветер, вторая ступень. Племянник Маррена Солвейна, члена Малого совета. Вёл себя вызывающе в отношении Ренн. Тарн наказал. Мне это неприятно. Причина: см. выше».

Он поморщился. Опять «см. выше». Он начал замечать, что эта формула в последние дни появляется всё чаще, как бельмо на каждой странице, как слепое пятно, которое он не мог ни назвать, ни обойти.

Малый совет, — подумал он. И вдруг понял, что почти ничего о нём не знает.

Он знал, что тот существует. Знал, что в нём пять мест и пять родов. Знал имя Маррена Солвейна, потому что только что его записал. Но стоило поискать в памяти что-то ещё, и находилась ровная гладь, как на льду после оттепели.

Дарен пришёл, как всегда, ровно в семь, с подносом: чай, хлеб, мёд, сушёные яблоки в маленькой чашке. Кассиан смотрел, как он расставляет посуду, и думал, что хранитель его памяти, вероятно, единственный человек в Лунгрейве,

который за четырнадцать месяцев ни разу не опоздал и не ошибся.

— Дарен. Что тебе известно о Малом совете?

Пальцы хранителя на мгновение замерли на ручке чайника.

— Это высший совещательный орган при короне, милорд. Пять мест, пять родов: Солвейн, Аскар, Хелдер, Дорвальд и…

Он замолчал.

— И?

— Вейр, милорд.

Кассиан медленно отложил хлеб.

— Наш род.

— Ваш род.

— Кто занимает место?

— Ваш отец, милорд.

Слово упало в тишину и ничего в нём не сдвинуло. Не отозвалось ни болью, ни теплом, ни узнаванием. Просто звук: *отец*. Как слово «ступень» или «чернила». Что-то, о чём он знал по записям.

— Он жив.

— Да.

— Где?

— В столице, милорд. Занят делами совета. — Дарен налил чай, не глядя на чашку. — Он не любит, когда его беспокоят.

— Он писал мне?

— Милорд…

— За четырнадцать месяцев. Он написал мне хоть раз?

Хранитель поставил чайник на поднос. Очень аккуратно, с лёгким стуком.

— Нет, милорд.

Он сказал это так тихо, что Кассиан едва расслышал. И тут же, как будто спохватившись, добавил:

— Он передаёт, что вы в надёжных руках.

«В чьих?» — хотел спросить Кассиан. Вместо этого сказал:

— Спасибо. Можешь идти.

Дарен поклонился и ушёл, не прикоснувшись к яблокам. А Кассиан ещё долго сидел над остывающим чаем и думал о том, что четырнадцать месяцев назад он проснулся в чужой постели без прошлого, а отец, живой, здоровый, заседающий в Малом совете, так ни разу и не спросил, как он себя чувствует.

Это записано, — понял он. Он перелистнул к первой странице, и под пятью правилами нашёл шестую строку, мелким почерком, как приписку: *«Не жди писем от отца»*.

Он тогда не удивился. Просто принял как данность. Теперь это слово «данность» показалось ему очень холодным.

Ночью он пришёл в зал раньше обычного.

Разложил на полу пять новых карточек, не потому что нуждался в них, а потому что так было нужно: любое дей-

ствие должно иметь порядок. Встал у стены, скрестил руки и стал ждать, слушая море внизу, там, где скала уходила в воду.

Она появилась через полчаса. На этот раз не босая, не в ночной рубахе: в плаще, застёгнутом до горла, в сапогах, с косой, аккуратно уложенной вокруг головы. Только перчатки были те же, серые, с красной нитью на левой.

— Вы рано, — сказала Илва.

— Вы тоже.

— Я не могла ждать.

Она подошла ближе и остановилась в трёх шагах. Не в десяти, как в первую ночь. Он отметил это и сделал вид, что не отметил.

— Я хочу предложить новый опыт, — сказала она.

— Я думал, опыты предлагаю я.

— Тогда вы плохо придумали. — Она подняла подбородок. — Вы проверяли расстояние. Но на арене я не стояла рядом с вами. Я стояла у барьера. Значит, дело не только в расстоянии.

Кассиан молчал.

— Попробуйте с касанием. — Её голос звучал ровно, но пальцы в перчатках слегка шевелились, как будто она держала что-то невидимое. — Через одежду. Я не буду снимать… ничего. Просто положу руку вам на предплечье, пока вы колдуете.

— На предплечье.

— Да.

— Где у меня записи.

— Поверх рукава.

Он посмотрел на неё долго. Она выдержала взгляд, и только кончики её ушей начали розоветь.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Он закатал левый рукав выше локтя, потом передумал и опустил обратно. Запись на коже под тканью жила своей жизнью: он чувствовал каждую строку, особенно последнюю, мелкую, выведенную резче остальных.

Илва подошла. Остановилась так близко, что он видел, как поднимается и опускается воротник её плаща. Протянула руку и осторожно, будто боясь обжечься, положила ладонь на его предплечье.

Сквозь ткань, сквозь шерсть и кожу перчатки он почувствовал её тепло.

Не жар, не искру. Что-то тихое и ровное, как тепло камина в комнате, где ты никогда не бывал, но уже знаешь, где стоит кресло.

— Теперь, — сказала она шёпотом.

Он поднял правую руку.

Это были Лунные нити. Самое дорогое заклинание, то, на которое на арене он решился только в самом конце. Серебро потянулось из тени у его ног тонкими, живыми паутинками, поднялось по стене, оплело балки под потолком и повисло в воздухе, мерцая, как застывший лунный дождь. Осколок под

ключицей даже не дрогнул.

Ни укола. Ни холода. Ни пустоты.

Кассиан замер, глядя на свои собственные нити, и вдруг понял, что не дышит.

— Всё в порядке? — прошептала Илва.

— Да.

— Вы не… ничего не потеряли?

— Нет. — Он повернул голову. Она стояла так близко, что её волосы почти касались его плеча. — А вы? Вы что-нибудь… чувствуете?

Она вздрогнула. Едва заметно, но вздрогнула.

— Что я должна чувствовать?

— Не знаю. Вы выглядите так, будто вам холодно.

— Мне не холодно.

Лунные нити погасли, осыпавшись серебряной пылью. В зале стало темнее. Только осколок на его груди светился ровно, и в этом свете он увидел, что она дрожит. Мелко, почти незаметно, как дрожит человек, который долго стоял на ветру.

Не раздумывая, он снял плащ и накинул ей на плечи.

— Что вы…

— Вы замёрзли.

— Я не…

— Замёрзли, — повторил он тоном, не допускающим возражений, и поправил воротник.

Это было ошибкой. Он понял это сразу, как только его

пальцы коснулись края ткани у её шеи. Кожа там была тёплая и очень тонкая, и под его костяшками билась жилка. Он знал, что нужно отнять руку. Он смотрел, как её губы приоткрываются, как она подаётся вперёд, на полвздоха, на волосок, и руки не слушались.

— Лорд Вейр, — выдохнула она.

— Кассиан.

— Что?

— Вы назвали меня по имени в прошлый раз. Теперь моя очередь.

Они стояли очень близко. Он чувствовал её дыхание на подбородке и запах лаванды, того самого, чужого для Лунгрейва. Хотел сказать что-то ещё, но слова кончились.

Илва первой отвела взгляд.

— Мне нужно вам кое-что показать, — сказала она хрипло. — Нет, не показать. Рассказать. — Она отступила на шаг, но плащ не сняла: держала его края обеими руками, как щит. — Меня сюда привели.

— Что?

— Я не по ошибке в списках. Это не ошибка. Кто-то хотел, чтобы я здесь оказалась, и он очень старался, чтобы никто не понял почему. — Она подняла на него глаза. — Эдрик говорит, что приказ подписал Малый совет. Ещё весной.

Кассиан молчал секунду.

— Я знаю, что приказ пришёл из дворца, — сказал он. — Сегодня утром я выяснил, что в совете заседает мой отец.

Илва застыла.

— Ваш…

— Он жив. Он не писал мне четырнадцать месяцев. Он не писал мне, пока кто-то стирал из моей головы три года, а потом привёл сюда вас. — Он сказал это ровно, почти бесстрастно, и сам удивился, как легко слова выговариваются. — Это либо совпадение, либо нет.

— Вы верите в совпадения?

— Нет.

— Я тоже.

Они смотрели друг на друга через полтора шага ночной темноты.

— Я не знаю, что связывает нас, — сказала Илва. — Не знаю, почему ваше имя звучит у меня в голове так, словно я произносила его всю жизнь. Не знаю, почему мне… — Она оборвала себя. — Не знаю, кто за этим стоит. Но я не хочу быть пешкой, лорд Вейр. Не хочу, чтобы меня двигали по доске, пока я ничего не понимаю.

— Кассиан, — сказал он ещё раз.

— Кассиан.

— Тогда мы с вами в одной лодке. — Он поймал её взгляд и удержал. — Предлагаю союз. Временный. До тех пор, пока мы не выясним, кто нас так аккуратно расставил.

— И пробы?

— И пробы. Дважды в неделю. После отбоя.

— А мой испытательный срок? Вы обещали…

— Я обещал проследить, чтобы вы не справились. Теперь я обещаю, что справитесь. — Он помедлил. — Так будет проще.

Она улыбнулась. Тихо, неловко, чуть кривовато, как человек, который давно разучился. У Кассиана что-то странно сжалось под рёбрами, там, где осколок молчал.

— Это не просто, лорд Вейр.

— Кассиан.

— Это не просто, Кассиан. — Она произнесла его имя медленно, как пробуют незнакомую еду. — Но я согласна.

Он проводил её до лестницы и остановился на нижней ступени, не поднимаясь выше. Она обернулась на повороте, всё ещё в его плаще.

— Верну завтра.

— Не торопитесь.

Её шаги затихли. Кассиан постоял ещё немного, глядя в темноту, потом вернулся в башню.

Дарен ждал у двери.

Не в комнате, не в коридоре: именно у двери, прямо на пороге, с руками, сложенными перед собой, и лицом человека, который не спал вовсе. Он не поклонился. Только посмотрел, как смотрят на ребёнка, которого застали за чем-то нехорошим.

— Милорд, — тихо сказал он. — Вас видели в нижнем зале.

Кассиан остановился.

— Кто?

— Не имеет значения. — Хранитель переступил с ноги на ногу. — С первокурсницей. Дважды.

— И?

— Я обязан сообщить об этом вашему отцу.

Тишина была такой плотной, что в ней слышалось море.

— Не обязан, — сказал Кассиан очень спокойно.

— Милорд…

— Ты хранитель моей памяти, Дарен. Не его.

Дарен молчал. Лицо его оставалось неподвижным, но руки впервые за все четырнадцать месяцев предали его целиком: сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

— Простите, — прошептал он. — Я не могу иначе.

Он ушёл. Шаги затихли в коридоре, и Кассиан остался один на пороге собственной комнаты.

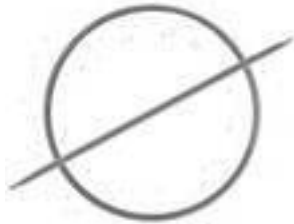
Он вошёл, запер дверь, сел за стол и раскрыл блокнот. Рука не дрожала. Строка получилась ровной, спокойной, будто писал её другой человек.

«Дарен пишет отцу. Давно. Выяснить, что именно и с какого момента.

Ренн знает больше, чем говорит. Я тоже».

Потом он долго смотрел на плащ, которого не было на спинке стула, и на пустое место на ней. Тепло в воздухе ещё не успело выветриться.

Он записал и это, а потом зачеркнул.

Глава 7. Чужой плащ

— Так, — сказала Лина.

Она стояла посреди комнаты в одной сорочке, с волосами, торчащими в разные стороны, и держала двумя пальцами за ворот длинное чёрное пальто с серебряными пуговицами. Пальто, которое утром висело на спинке стула Илвы и которое Илва, проснувшись, совершенно не помнила, как вешала.

— Так, — повторила Лина. — Это не твоё.

— Это… одолженное.

— Я вижу, что одолженное. У меня глаза есть. Размер мужской, ткань такая, что за один рукав можно купить мою комнату, а на подкладке вышит герб. — Лина перевернула полу. — Серебряная луна над волной. Я знаю только один род, у которого такой герб.

— Лина.

— Вейр! — Рыжая подпрыгнула, и пальто взметнулось в воздух, как знамя. — Это плащ Кассиана Вейра! Ты ночью ходила не в уборную!

— Тише! — Илва метнулась к двери, прислушалась и снова обернулась. — Пожалуйста, тише. Ты же сама говорила, что здесь все всё слышат.

— Хорошо. Тише. — Лина прижала пальто к груди, зажмурилась и выдохнула, как человек, готовящийся к прыж-

ку в воду. — Рассказывай.

— Нечего рассказывать. Мы… занимались.

— Занимались.

— Опытами. Он проверяет, как работает его осколок. А я стою рядом.

— Просто стоишь рядом.

— Да.

— Ночью.

— Да.

— И он отдал тебе плащ.

— Потому что мне было холодно!

Лина смотрела на неё секунд пять. А потом очень тихо, почти благоговейно, прошептала:

— Он отдал тебе свой плащ.

— Лина…

— Лунный Вейр. Холодный, как зимняя вода. Тот, кто не здоровается с преподавателями. Он отдал тебе плащ. — Она вдруг резко поставила пальто на кровать, схватила Илву за обе руки и сказала твёрдо: — Клянусь, я никому ни слова. Ни одной живой душе. Но ты мне потом всё расскажешь. Подробно.

— Там нечего…

— Подробно.

Илва вздохнула и рассмеялась. Это был уже второй раз за неделю, когда рядом с Линой ей удавалось смеяться, и она вдруг поняла, что давно не чувствовала себя так легко.

— Ладно. Подробно. Когда-нибудь.

— Договорились. — Лина вытерла несуществующую слезу и посерьёзнела. — Слушай, но если вы там что-то ищете, ты же знаешь про нижний архив?

— Какой архив?

— Хранилище хроник. Там лежат записи всех родов за триста лет. Говорят, и те, что нельзя показывать. Для первокурсников закрыто, ключ у магистров и у старших ступеней. — Лина прищурилась. — У пятой ступени он точно есть.

Илва замерла с ботинком в руке.

— Откуда ты…

— У меня брат закончил Лунгрейв три года назад. Он до сих пор не может рассказать мне, что там читал, потому что дал слово. — Лина пожала плечами. — Но он сказал, что в нижнем архиве есть всё, что академия хочет забыть.

«Всё, что академия хочет забыть», — подумала Илва.

И вспомнила вырезанные три года.

Госпожа Орвин вызвала её после обеда.

Кабинет находился на втором этаже главного корпуса, в самом конце коридора, за тяжёлой дубовой дверью. Внутри пахло чернилами и воском. Орвин сидела за широким столом, заваленным бумагами, и не подняла головы, пока Илва не остановилась прямо перед ней.

— Госпожа Ренн. Садитесь.

Илва села.

— Вы, вероятно, слышали, что у вас есть испытательный

срок до Зимнего круга.

— Да, госпожа Орвин.

— Вы знаете, что это такое?

— Нет.

— Хорошо, что честно. — Орвин положила перо и наконец посмотрела на неё поверх очков. — Зимний круг проводится в конце первого семестра. Все первокурсники выходят на арену. Каждому по жребию достаётся противник. Бой идёт до первой потери равновесия, как на вашем показательном. Результат определяет, останется ли студент в академии.

— Бой.

— Да.

— Без осколка.

— Совершенно верно.

Илва медленно выдохнула.

— Против кого?

— Решает жребий. Жребий тянете вы сами, в присутствии комиссии. — Орвин сложила пальцы. — Королевская печать защищает вас от отчисления по причине отсутствия осколка. Она не защищает вас от того, чтобы проиграть.

— То есть если проиграю…

— Если вы проиграете, академия получает право исключить вас по результатам круга. Это стандартное правило. Никакая печать его не отменяет. — Орвин помолчала. — Через шесть недель, госпожа Ренн.

Шесть недель. Илва сжала пальцы на коленях.

— Могу я задать вопрос?

— Вы можете. Я не обещаю, что отвечу.

— Кто подписал мой приказ?

В кабинете стало очень тихо.

Орвин не двинулась с места. Только у неё слегка дрогнули уголки губ, как у человека, услышавшего знакомую, давно ожидаемую фразу.

— Госпожа Ренн, — сказала она наконец. — Есть вещи, которые не стоит спрашивать вслух в этих стенах. Это не угроза. Это совет.

— Вы знаете?

— Я знаю то, что мне положено знать. — Она взяла перо. — И то, что я догадываюсь, я не скажу вам, потому что не уверена, что догадка моя не опасна для вас. Идите. Занимайтесь. И, госпожа Ренн.

— Да?

— Слухи о вас и лорде Вейре уже дошли до меня. — Орвин не подняла головы. — Будьте осторожны. Не потому, что я против. Потому что у слухов есть хозяин, и хозяин у них не добрый.

Илва вышла в коридор и прислонилась к стене.

Эдрик, — поняла она. Он не просто болтал. Он сеял.

Ночью в зале было холоднее обычного.

Кассиан уже ждал, но на этот раз он не стоял у стены, а расхаживал по пустому залу, заложив руки за спину. На полу лежал длинный тренировочный клинок без заточки, потёр-

тый, с рукоятью в чёрной коже. Увидев её, он остановился.

— Вы принесли плащ.

— Я принесла плащ.

Она протянула ему сложенное пальто. Он взял, не сразу, и на секунду их пальцы оказались так близко, что она почувствовала, как у неё сжимается желудок.

— Благодарю.

— Это я должна благодарить.

— Нет, — сказал он. — Не нужно.

Он перекинул плащ через руку и посмотрел на неё внимательно.

— Госпожа Орвин вызывала вас сегодня.

— Откуда вы…

— Здесь все знают, куда вызывают всех. — Он слегка улыбнулся, едва заметно. — Что она сказала?

Она пересказала. Про Зимний круг. Про жребий. Про шесть недель. Про совет, который не стоит давать вслух. Он слушал молча, лицо его постепенно становилось всё более непроницаемым, и когда она закончила, на секунду показалось, что он вообще перестал дышать.

— Шесть недель, — повторил он.

— Да.

— Против неизвестного противника.

— Да.

— Без осколка.

— Вы уже третий, кто это отметил.

Он провёл ладонью по лицу и вдруг, к её удивлению, тихо засмеялся.

— Значит, нужно учиться драться.

— Чем?

— Вот этим. — Он поднял тренировочный клинок. — Мой осколок вам не поможет: рядом с вами он тих, но я не могу сражаться за вас. Зато я умею держать оружие. Я не помню, где научился, но тело помнит. — Он протянул ей рукоять. — Это единственное, что у меня осталось от той жизни.

Илва взяла клинок. Он оказался тяжелее, чем она ожидала.

— Я никогда не держала оружия.

— Я знаю. Встаньте так.

Он показал ей стойку. Ноги шире, корпус вполоборота, локоть согнут. Она повторила, неловко, как ученица, и он нахмурился.

— Нет. Бедро ниже. Плечо назад.

Он подошёл, и она почувствовала, как замирает всё внутри.

Он встал рядом, слева, и осторожно, двумя пальцами, коснулся её локтя через плащ. Развернул плечо. Потом положил ладонь ей на бедро, сквозь плотную ткань плаща, чтобы показать, как нужно опустить корпус. Его рука была большой, тёплой и очень уверенной.

— Вот так. Видите?

— Вижу.

— Теперь держите.

Он взял её за правое запястье и подвинул клинок выше. Между краем перчатки и рукавом оставалась всё та же тонкая полоска кожи. Её никто не должен был видеть. Никто не должен был трогать.

Его большой палец коснулся её, на полсекунды, на одно движение.

Мир качнулся.

Свеча. Окно. Запах травяного чая. Его голос, чуть хриплый, смеётся: «Нет, не так. Выше. Вот так». Её рука на рукояти деревянного меча. Его ладонь поверх. Тепло за спиной, дыхание в затылок. «Ты специально это делаешь неправильно». «Конечно, специально». Тихий смех. Его губы у её виска…

Илва отшатнулась так резко, что клинок со звоном упал на камень.

— Что? — Кассиан замер, не убрав руки. — Что случилось?

— Ничего. — Она прижала запястье к груди. Сердце бешено колотилось. — Нет, я… просто… Я неловкая.

— Вы побледнели.

— Холодно.

— В третий раз используете эту отговорку.

— Потому что она всё ещё работает.

Он смотрел на неё долго, внимательно, чуть наклонив голову. Потом очень тихо спросил:

— Почему вы никогда не снимаете перчатки?

— Потому что мне так спокойнее.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня сейчас есть.

Пауза. Он мог настаивать. Она видела, как он выбирает, настаивать или нет.

— Хорошо, — сказал он наконец и поднял клинок с пола. — Тогда без прикосновений. Только слова. Встаньте ещё раз.

Она встала. Он больше не касался её, только говорил: «Ниже. Плечо. Локоть». Голос звучал ровно, терпеливо, и в какой-то момент она поймала себя на том, что смотрит на него не как на преподавателя. Он стоял в трёх шагах, закатав рукава до локтей, и в бледном свете осколка видны были чернильные строчки на его левой руке. Свежие. Он обновлял их каждый день.

Последняя строка по-прежнему гласила: «Ренн».

Она узнала её по форме.

Они тренировались почти час. К концу руки у неё ныли, а волосы налипли на лоб, но Кассиан сказал сухо: «Для первого раза сойдёт», и это было, пожалуй, самым тёплым, что он говорил ей за все эти дни.

— В пятницу снова, — сказал он. — И ещё. Нужно попасть в нижний архив.

Она вскинула голову.

— Я как раз собиралась вам сказать. Лина говорила, что у старших ступеней есть ключ.

— Значит, это уже не секрет. — Он слегка поморщился. — Мой пропуск у меня. Они не проверяют, кто со мной идёт, если я один из пятой ступени. Завтра ночью.

— А Дарен?

— Дарен будет писать отцу ровно то, что я захочу, чтобы он написал. Я сказал ему, что вы помогаете мне работать с хроникой. — Он слегка поморщился. — Это не ложь. Просто неполная правда.

— Он поверил?

— Нет. Но ему придётся сделать вид, что поверил.

Она кивнула и пошла к лестнице. Остановилась на нижней ступени, как в прошлый раз.

— Кассиан.

— Да?

— Спасибо за плащ.

Он ничего не ответил, но уголки его губ чуть дрогнули.

В комнате было темно.

Илва вошла осторожно, чтобы не разбудить Лину, прикрыла дверь и на цыпочках прошла к своей койке. Лина спала, свернувшись клубком, и тихо посапывала. На столе горела догоревшая свеча.

Илва села, достала из-под подушки письмо.

Подушка была пуста.

Она замерла. Потом откинула одеяло, провела ладонью по простыне. Заглянула под койку, в сундучок, в сумку с перьями. Перевернула всё. Письмо исчезло.

— Лина, — шёпотом.

Рыжая тут же села, зевая.

— М-м? Что?

— Кто-нибудь заходил?

— Нет. Я с вечера никуда не выходила. Дверь заперта, я проверяла. — Лина сонно моргнула. — А что?

— Ничего.

Илва подошла к окну. Задвижка была открыта. Не распахнута: чуть отодвинута, ровно настолько, чтобы изнутри не было заметно. Снаружи тянуло холодом и морем, а внизу, на узком карнизе в три ладони шириной, который, как ей казалось, не выдержал бы даже кошки, остался чуть заметный след.

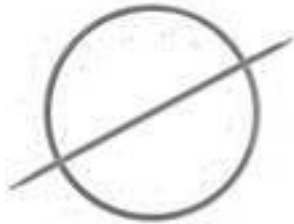
Кто-то был здесь.

Кто-то знал, где лежит письмо. Кто-то знал, что она к нему прикасалась.

Она закрыла окно и обернулась. В комнате остался слабый запах, почти неуловимый. Лаванда. Тающая, как дым.

А на подушке, там, где лежало письмо, остался один-единственный предмет. Белое перо. Тонкое, чистое, без единого пятнышка, так аккуратно положенное, что ясно было: оставлено нарочно.

Не предупреждение. Подпись.

Глава 8. Нижний архив

ДВЕРЬ В хранилище хроник находилась под библиотекой, в конце узкого коридора, куда не заходил никто, кроме старших ступеней и магистров. Это была низкая, окованная чёрным железом створка, закрытая на замок со сложным ключом. Ключ Кассиан носил на шнурке под рубашкой уже двенадцатый месяц и ни разу им не пользовался.

Он знал это, потому что так было записано.

— Вы долго? — шёпотом спросила Илва.

Она стояла рядом, закутанная в тёмный плащ с глубоким капюшоном, и держала в руках слабо мерцающий фонарик с прикрытым стеклом. С первого взгляда её можно было принять за обычную студентку, которая возвращается в корпус после ночных занятий. Если не вглядываться в перчатки.

— Нет, — сказал он и повернул ключ.

Замок щёлкнул. Дверь отворилась без скрипа, и из темноты потянуло сухим холодом, запахом пергамента и пыли, такой густой пылью, какая накапливается только там, куда не заглядывают веками.

— Пришли, — выдохнула она.

Он первым шагнул внутрь. Едва пересёк порог, на стенах вспыхнули светильники: ряд за рядом, мягкие и голубоватые, как осколки на воротах студентов. Свет шёл волной вглубь зала и затихал где-то далеко за поворотом стеллажей.

— Они реагируют на носителей, — тихо пояснил он. — Чем больше осколков в помещении, тем ярче.

Илва перешагнула порог следом.

Светильники не изменились. Ни вспышки, ни дрожи.

— Видите? — Она слегка улыбнулась. — Для них меня нет.

— Для них вас нет, — повторил он, и странное чувство коснулось его где-то под рёбрами. Ему вдруг показалось, что это самая точная формулировка её положения в этом мире, и он не сразу понял, почему она так неприятно его задела.

Архив был огромным. Стеллажи уходили в темноту рядами, высокие, под самый потолок, плотно заставленные томами в потёртых переплётах. На корешках блестели золотые гербы: волны, молнии, волчьи головы, ветви. Каждый род имел свою секцию и свой отдельный проход. Они шли мимо Аскаров, мимо Дорвальдов, мимо Солвейнов, чей шкаф был заметно шире остальных.

— А Вейры? — спросила Илва.

— В самом конце.

— Почему?

— Потому что мы древнейший род. — Он сказал это так сухо, что она не удержалась от короткого смешка. — В библиотеках старшие семьи ставят последними. Считается, что они помнят всё, и им не нужно торопиться.

— А вы?

— А я не помню ничего.

Она замолчала.

Секция Вейров оказалась такой же, как все остальные: два длинных стеллажа, серебряная луна над волной на каждом корешке. Но на третьей полке сверху чернела пустая щель.

Он остановился перед ней.

— Здесь, — тихо сказал Кассиан.

— Что?

— Недостаёт тома.

Он провёл пальцами по краю полки. Пыль легла ровно, кроме одного места, где лежал свежий след: книгу вынули недавно, не больше года назад.

— Смотрите. — Илва присела у подножия стеллажа, где на специальной подставке лежала толстая книга учёта выдачи. Она подняла фонарь ближе. — Здесь список всех, кто брал хроники.

Он опустился рядом. Страницы шуршали сухо, как осенние листья. Они перелистывали их вдвоём, и огонёк фонаря дрожал на пожелтевших строках, пока Илва не остановилась.

— Вот.

Запись была сделана аккуратным, острым почерком. Дата: четырнадцать месяцев назад.

«Оллин Д., по поручению лорда Вейра-старшего. Изъят том «Хроника рода Вейр, годы 16–19». Основание: распоряжение совета. Возврату не подлежит».

Кассиан смотрел на эти строки долго. Достаточно долго, чтобы фонарь успел несколько раз качнуться.

— Дарен, — наконец сказал он.

— Вы не удивлены.

— Я удивлён тем, что я не удивлён. — Он закрыл книгу. — Он сказал, что записи «утрачены при переезде». Он не соврал и не сказал правды.

— Он сделал то, что приказал ваш отец.

— Да.

— Кассиан…

— Не надо. — Он поднял руку. — Я не хочу утешений.

— Я не собиралась.

Это было так неожиданно, что он повернул голову. Она сидела на полу, поджав ноги, с фонарём на коленях, и смотрела на него ровно и прямо.

— Я хотела сказать, что вы сейчас стоите на коленях в пыли и держите в руках доказательство того, что отец отнял у вас три года жизни. — Она слегка пожала плечами. — Я бы на вашем месте тоже не хотела утешений. Я бы хотела найти недостающий том.

— Он возврату не подлежит.

— Тогда найдём то, что подлежит.

Она встала, взяла фонарь, прошла вдоль стеллажа и вдруг остановилась.

— Здесь что-то лежит.

За полкой, в узкой щели между деревом и стеной, торчал уголок бумаги. Желтоватый, ломкий, с чёрной окантовкой. Илва осторожно просунула два пальца и вытянула его, как

вытягивают занозу.

Это был обрывок. Не страница, а именно обрывок, оторванный по нижнему краю, с неровным срезом. Строки были выведены тем же канцелярским почерком, но чернила успели выцвести.

Она протянула находку ему. Он взял.

«…проведено в присутствии заявителя и свидетеля, переписчика Т. Ренна. Забвению подлежат: годы с шестнадцатого по девятнадцатый. Исключение, по требованию заявителя: …»

Дальше шёл рваный край.

Кассиан перечитал запись. Потом ещё раз. На третий раз он понял, что не может оторвать взгляд от одного слова.

Ренна.

Он медленно поднял глаза.

Илва стояла неподвижно. Лицо у неё стало белым, как пергамент, и фонарь в её руке слегка подрагивал.

— Т. Ренн, — тихо сказал он. — Переписчик.

— Мой отец.

Она произнесла это ровно, но голос на последнем слове дрогнул.

— Тамас Ренн, — продолжила она, глядя куда-то мимо. — Много лет брал заказы у королевской канцелярии. Он ни разу не говорил, что бывал при… таком. — Она сглотнула. — Это не совпадение.

— Нет.

— Он был там. Он видел, как вам стирали память. И он ничего не сказал. Ни мне, ни кому-то ещё.

— Или не мог.

Она встретила его взгляд.

— Или не мог, — повторила она медленно.

В тишине архива что-то скрипнуло.

Кассиан не сразу понял что. Он просто почувствовал, как у него поднялись волоски на затылке, а потом услышал: шаги. Тяжёлые, размеренные, приближающиеся. Где-то у входа заскрежетал железный засов.

— Ночной смотритель, — выдохнул он. — Он делает обход раз в час.

— Не сегодня!

— Именно сегодня.

Огоньки на стенах дрогнули, уловив новое присутствие. Голубые светильники у входа налились ярче.

Кассиан схватил Илву за локоть. Огляделся: стеллажи справа, слева, высокие, плотные, и между ними почти нет щелей. Но в самой глубине секции, за последним рядом, стояла узкая ниша для читателей, выдолбленная прямо в камне. Метра полтора в ширину, чуть больше в глубину. Скамья для одного.

— Сюда, — прошептал он.

Они вбежали. Она нырнула первой, он следом, прижав к себе погасший фонарь и потушив собственный осколок усилием воли: под воротником у него померк последний лунный

отблеск. В нише воцарилась кромешная темнота.

И тесная.

Он понял, как тесно, когда шаги смотрителя вошли в зал и остановились у третьего ряда. В нише не было места, чтобы встать врозь. Илва стояла спиной к каменной стене, он, лицом к ней, одной рукой упираясь в камень над её головой, чтобы не придавить её. Между ними оставалось полвздоха.

Он слышал, как она дышит.

Быстро, поверхностно, едва слышно. Чувствовал, как под тонкой тканью воротника у неё бьётся сердце. Видел, как в темноте блестят её глаза, расширенные, тёмные, и как она приоткрывает губы, чтобы вдохнуть, и тут же прикусывает их.

Шаги прошли мимо. Остановились. Свет фонаря прошёлся по полкам, выхватывая тома, один за другим.

Он не шевелился.

— Кассиан, — прошептала она так тихо, что он скорее прочёл по губам, чем услышал.

— Тише.

— Ваша рука…

Его правая рука, та, что не упиралась в камень, лежала у неё на талии. Он не помнил, когда положил её туда. Не помнил, как пальцы сомкнулись на тонкой ткани плаща, как большой палец лёг на выступающую косточку бедра. Он должен был убрать её.

Он не убрал.

Фонарь смотрителя качнулся. Свет скользнул по краю ниши и погас, и в наступившей темноте Илва вдруг подалась вперёд. Не от страха, не случайно. Её лоб коснулся его ключицы, ровно под осколком. Тихо, невесомо, как касаются, когда боятся и хотят одновременно.

Он перестал дышать.

— Здесь тепло, — прошептала она в его рубашку.

— Вы это уже говорили.

— И я всё ещё права.

Его пальцы сжались на её талии. Почти не заметно. Ровно настолько, чтобы она почувствовала.

Он наклонил голову. Её волосы пахли лавандой и холодным камнем, и на языке у него вдруг оказался вкус слова, которое он давно не говорил вслух. Он не помнил, какого. Он хотел спросить, помнит ли она.

Совсем рядом скрипнуло железо.

Они замерли оба.

Свет фонаря снова мелькнул, дальше, у выхода из секции. Шаги повернули в другую сторону, гулко, равнодушно, и стихли у самой двери. Засов лязгнул. Тишина вернулась в архив, густая, как мёд.

— Ушёл, — выдохнул Кассиан.

— Ушёл.

Они не двигались ещё секунду, две. Потом Илва отстранилась первой, одним скользящим движением, и сразу стало холодно. Он опустил руку.

— Нам нужно уходить, — сказала она хрипло.

— Да.

— Пока он не вернулся.

— Да.

Он взял обрывок, аккуратно сложил его, спрятал во внутренний карман. Она подобрала фонарь. Руки у обоих не дрожали, потому что оба слишком старательно удерживали их неподвижными.

У двери он остановился, чтобы запереть замок, и взгляд его упал на книгу выдачи, лежавшую на подставке у входа. Он не собирался её открывать. Но страница, лежавшая сверху, была не той, которую они читали. Её перелистнули.

Под последней записью смотрителя, сегодняшней, аккуратной, значилось: *«Вейр К., один носитель. Вход: час первый».*

А в самом низу страницы, под аккуратной строчкой, лежало перо.

Тонкое. Белое. Чистое, без единого пятнышка. Положенное так, будто его оставили нарочно, чтобы он увидел.

Кассиан замер.

— Что там? — спросила Илва за его плечом.

Он не ответил. Взял перо двумя пальцами, как берут что-то, способное обжечь. Оно было совершенно холодным.

Илва смотрела на него, и в свете фонаря он увидел, как кровь отхлынула у неё от лица.

— Это то же самое, — тихо сказала она. — Такое лежало

у меня на подушке.

— Когда?

— Вчера. Пропало письмо. — Она сглотнула. — Я не успела рассказать.

— Какое письмо?

— Приказ о моём зачислении. Он лежал под подушкой. — Её голос сорвался на шёпот. — Кто-то взял его и оставил перо.

Он повернул перо в пальцах. На самом кончике стержня, едва видимый, виднелся крохотный, почти стёртый знак. Круг, перечёркнутый тонкой линией.

Он не знал, что он значит.

Но сердце у него упало, потому что где-то в глубине, там, где в памяти не осталось ничего, шевельнулся холод. Не воспоминание. Что-то хуже: ощущение, что он видел этот знак раньше. Много раз.

— За нами следят, — сказал он очень тихо.

— Я знаю.

— Не знаете. Вы думали, что за вами. — Он поднял на неё глаза. — Следят за обоими.

Он сунул перо в карман рядом с обрывком, запер дверь и повёл её прочь по тёмному коридору.

В башне он сел за стол и достал блокнот. Строки ложились ровно, но почерк на последних словах был чужой, будто писал не он.

«Дарен изъял том по поручению отца. Свидетель стира-

ния — Т. Ренн, отец Илвы. Годы 16–19. Исключение сделано по требованию заявителя (меня?).

Кто-то оставляет белые перья. Знак: круг, перечёркнутый линией. Я знаю его. Не помню откуда».

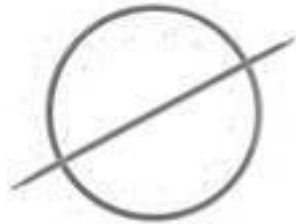
Он остановился. Потом перевернул страницу назад и нашёл старую запись трёхлетней давности, ту самую.

«Если встретишь Илву Ренн, не подпускай её близко. Не верь тому, что почувствуешь».

Он смотрел на неё очень долго.

И впервые подумал, что человек, написавший эти строки, возможно, не предупреждал себя об опасности.

Он её защищал.

Глава 9. Что помнят руки

МАСТЕР ТАРН раздавал пары, как раздают приговоры.

— Лорд Дорвальд с госпожой Аскар. Госпожа Корвин с господином Хелдером. — Он провёл посохом по списку. — Господин Солвейн.

Эдрик, стоявший у стены с видом человека, которому всё давно надоело, лениво поднял голову.

— Вы вчера имели удовольствие беседовать со мной после занятия, — сухо сказал Тарн. — Вы помните, о чём шла речь?

— О сдержанности, мастер.

— Именно. Сегодня вы потренируете её на практике. Ваша напарница, госпожа Ренн.

По залу пробежал шёпот. Илва почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Мастер, — медленно начал Эдрик, — она ведь без осколка. Это не поединок, а…

— Это, господин Солвейн, будет бой без стихий. Ни одного порыва ветра. Ни малейшего сквозняка. Только клинок и умение стоять на ногах. — Тарн постучал посохом по полу. — Если я почувствую хоть дуновение, вы вылетаете с практикума и пишете объяснительную госпоже Орвин. Ясно?

Эдрик помолчал. Потом улыбнулся, на этот раз по-настоящему, и эта улыбка ей совсем не понравилась.

— Ясно, мастер.

Им выдали тупые тренировочные клинки, лёгкие, обёрнутые кожей. Илва встала в центр круга, поставила ноги так, как учил Кассиан. Бедро ниже. Плечо назад. Локоть согнут. Ладонь на рукояти, перчатка на перчатке.

— Начали!

Эдрик атаковал сразу, широким, красивым, небрежным ударом, каким бьют по манекену. Илва не стала его парировать. Она шагнула в сторону, и лезвие свистнуло мимо уха. Второй удар. Третий. Она отступала, держа клинок перед собой и считая: *раз, два, три*. Как считают шаги по ступеням.

— Она убегает! — крикнул кто-то с трибун.

— Она не убегает, — раздался голос Лины. — Она учится.

Эдрик нахмурился. Он явно рассчитывал, что она рухнет на второй атаке, и теперь злился всё сильнее. Удары становились резче, короче, злее. На восьмом Илва поскользнулась на песке, и клинок вылетел у неё из рук. Эдрик замахнулся, и в этот миг она сделала то, чего никто не ждал: не отскочила, а нырнула ему под руку, как ныряют под низкую ветку, и ударила плечом ему в грудь.

Он пошатнулся. Всего на полшага. Но воздух вокруг него дрогнул.

Инстинкт сработал быстрее разума. Из-под его ладони сорвался тонкий порыв ветра, резкий, колючий, швырнувший Илву на песок.

— Достаточно! — Голос Тарна ударил, как хлыст.

Тишина.

Эдрик замер с вытянутой рукой, постепенно осознавая, что именно он сделал.

— Господин Солвейн, — произнёс Тарн очень ровно. — Вы продержались одиннадцать ударов. Это на два больше, чем я рассчитывал. Вон из зала.

— Мастер, она…

— Вон.

Эдрик бросил на Илву взгляд, от которого у неё по спине прошёл холод. Потом развернулся и вышел, не оглядываясь.

Лина подбежала, помогла ей подняться, отряхнула плащ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.